

Роза Шорникова
(Гольман)

**СЕМЬ ДНЕЙ,
СЕМЬ НОЧЕЙ**

Роза Шорникова
Семь дней, семь ночей

«Издательство «Перо»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шорникова Р. А.

Семь дней, семь ночей / Р. А. Шорникова — «Издательство
«Перо», 2020

ISBN 978-5-00171-256-5

Волею случая в одном месте, в одно и то же время оказались совершенно разные люди. На первый взгляд, самый обычный отдых для каждого из них обернулся неожиданным путешествием по бурной и непредсказуемой реке жизни. Как удержаться на плаву и не застрять на мели? Плыть по течению или бороться с ним? И с чем вернуться к родному причалу? Это станет понятно после семи дней круиза, а сейчас: День первый. Москва. Отправление...

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00171-256-5

© Шорникова Р. А., 2020
© «Издательство «Перо», 2020

Содержание

День первый	6
День второй	18
День третий	25
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Роза Шорникова (Гольман)

Семь дней, семь ночей

Издательство «Перо», 2020

© Р. А. Шорникова (Гольман), 2020

* * *

День первый Москва. Отправление

Белый красавец-теплоход медленно швартовался у седьмого причала.

Он грациозно развернулся, блеснув на солнце несколькими ровными рядами квадратных окон, и, уверенно ведомый своим капитаном, как маленький послушный ребёнок, стал пристраиваться боком к пристани, словно вставая на своё место в очереди из таких же исполинов.

Наконец, борт корабля, окаймлённый специальным защитным поясом, чтобы не повредить обшивку, упёрся в гранитную стенку, и огромный четырёхпалубный теплоход замер на одном месте в предвкушении нового скорого путешествия.

До отправления было ещё достаточно времени, но члены команды, за навигацию ходившие не в один десяток разных рейсов, сразу чётко и слаженно приступили к своим обязанностям.

Матросы принимали на борт грузы с подъезжавших прямо к трапу машин и заливали в специальные ёмкости питьевую воду. Горничные прибирали в каютах, застилали свежим бельём кровати, укладывая накрахмаленные хрустящие полотенца в виде белых, розовых и голубых розочек.

Повара и официанты трудились на кухне и в залах ресторанов, чтобы отдыхающие, пришедшие на первый обед, смогли сразу и по достоинству оценить их искусство.

Стюарды и администраторы под руководством директора круиза раскладывали в папки рекламные и информационные материалы.

В общем, подготовка к предстоящему путешествию шла своим обычным ходом.

Наконец первые туристы начали собираться у трапа теплохода. Они стояли небольшими группками, в сопровождении провожающих. Рядом громоздились огромные чемоданы на колёсиках, словно люди уезжали очень далеко и, по крайней мере, не меньше, чем на полгода.

Одни стояли спокойно, делая вид, что их мало касается то, что происходит вокруг. Они с какой-то внутренней усмешкой следили за теми своими попутчиками, которые суетились, держа в руках документы и билеты, без конца проверяя дату и время отплытия. Но и те, и другие с нетерпением ждали это своё путешествие, и каждый из них связывал именно с ним какие-то свои личные надежды.

Кто-то хотел вырваться из загазованного и шумного города и насладиться красотой природы, по которой мы все так тоскуем... Кто-то хотел, хотя бы на время, уехать от бытовых и личных проблем, кто-то искал приключений, кто-то... А, впрочем, какая разница, почему эти люди собрались сейчас здесь? Значит, это было нужно им, или провидению... Как знать? Да и нужно ли это знать?

Семь дней и семь ночей они будут плыть на этом прекрасном теплоходе. Их будут кормить, за ними будут ухаживать, им будут показывать красивейшие места, о которых многие люди могут только мечтать.

Что ещё нужно человеку для того, чтобы войти в состояние полной гармонии с собой и со всем, что тебя окружает? И со всеми, кто тебя окружает.

* * *

Около стойки администратора уже толпился народ.

Пассажиры, которые ещё на пристани начали суетиться, словно боясь опоздать, старались и здесь протянуть свой паспорт и билеты стюарду раньше соседа, широко при этом улыбаясь и делая вид, что они к этому будто бы и не причастны.

Остальные терпеливо стояли в очереди, уверенные в том, что без них теплоход всё равно не отойдёт.

Заветная «Папка путешественника», ключи от каюты и талончик в ресторан придавал всем особый статус. Статус легального и полноправного туриста, или, как в этой круизной компании было принято говорить – «путешественника». Поэтому можно было уже никуда не спешить, а, благожелательно разрешив матросам помочь донести бессчётное количество чемоданов и сумок, спокойно разойтись по своим каютам.

Холл на главной палубе, где проходила регистрация, был не очень большим. Как, впрочем, на всех теплоходах этого типа, построенных в Германии и в Чехословакии в 70-80-х годах прошлого века. Но ремонт, проведённый зимой, сделал его более удобным и комфортабельным для пассажиров, а новейшее навигационное оборудование и повышенное качество GSM-связи – намного более безопасным.

По периметру холла, в простенках между дверьми в различные служебные помещения и винтовыми лестницами, ведущими на среднюю палубу, стояли небольшие уютные диванчики, обитые тёмно-коричневой кожей.

Сбоку от одного из них примостилась инвалидная коляска, в которой сидел мужчина достаточно преклонных лет.

На нём была надета светлая куртка, почти до конца застёгнутая на молнию. Из-под куртки выглядывал воротник тёмно-синей рубашки в мелкую клеточку. На голове была такого же цвета, как и рубашка, кепка с большим козырьком.

Несмотря на свой недуг, он спокойно, положив руки поверх мягкого тонкого пледа, прикрывавшего его ноги, чуть приподняв голову, чтобы не мешал козырёк кепки, внимательно рассматривал холл и людей, суетившихся вокруг.

Лицо его не выдавало особой заинтересованности в этом занятии. Оно было сдержанно-суровым. Глаза несколько прикрыты веками с очень длинными ресницами почти белого цвета. Эти ресницы совсем не подходили ни мужскому полу их обладателя, ни, тем более, почтенному его возрасту. Но зато они позволяли мужчине спокойно и ненавязчиво рассматривать своих попугачиков.

Было видно, что ему интересен каждый из них, словно с каждым из них его связывало что-то такое глубокое и неразрывное, что бывает невозможно объяснить, а только почувствовать.

Женщина средних лет, с рюкзачком за плечами, отошла от стойки администратора, держа в одной руке дамскую сумочку, а другой – прижимая к себе папку с документами, готовыми вот-вот рассыпаться. Она, неловко изогнувшись, чтобы ничего не растерять, подобралась к коляске и положила документы на диван, стоящий рядом.

– Не спеши, Поля, – неожиданно мягким голосом, не очень вязавшимся с его достаточно сдержанным обликом, сказал мужчина. – Не торопись, собери всё. Теперь уже не опоздаем.

Он свободно говорил по-русски, но с заметным акцентом, что явно выдавало в нём иностранца. Скорее всего, немца или, по крайней мере, человека, в обычной повседневной жизни говорящего на немецком языке.

Полина аккуратно сложила бумаги в папку, убрала её в наружное отделение большого чемодана, стоящего рядом.

– Господин Альберт, я отнесу вещи в каюту, и сразу за Вами приду, – сказала Полина, наклоняясь к мужчине. – Мы здесь рядом, на главной палубе.

– Иди, иди, голубушка, – поддакнул тот, переводя взгляд на вновь прибывших пассажиров.

Его внимание привлекла шумная компания, собравшаяся у трапа теплохода. Их было человек десять-двенадцать. Они весело и громко смеялись и шумно все разом что-то говорили,

стараясь перекричать друг друга. При этом было совершенно невозможно разобрать ни слова, и такая неразбериха вызывала у молодых людей неудержимые взрывы хохота.

– Ну, всё, ребята! Мы отчаливаем! – худощавый парень в тёмных очках нехотя отстранился от миловидной стройной брюнетки, которую до сих пор крепко держал за руку, ловко подхватил чемодан и большую дорожную сумку. – Счастливо оставаться! Не поминайте лихом!

Он показательно «хлюпнул» носом, изображая грусть расставания с друзьями, и направился по трапу к проёму входной двери на теплоход.

– Снежик, за мной! – весело скомандовал он своей девушке.

Девушка махнула друзьям на прощание и послушно последовала за ним.

– Возвращайтесь втроем! – крикнул кто-то из провожающих, и все снова залились дружным весёлым смехом.

Г-н Альберт из-под козырька своей кепки наблюдал за всей этой историей. По его виду нельзя было сказать, насколько ему это интересно. Но он не сводил взгляда с молодых людей. Возможно, вспоминал своих внуков, которые вот так сейчас где-то далеко, на своей родине, дурачатся с друзьями. На своей Родине. А где его Родина? И правильно ли он сделал, что через столько лет и в таком состоянии приехал сюда? Приехал, чтобы остаться? Или так, проездом? Может быть, и не стоило предпринимать таких усилий? Стольких людей «на ноги» поднял! Ну, жил себе и жил столько лет. Нет, голос Родины послышался! А какой он, голос Родины?

– Господин Альберт, – прервала его размышления Полина. – Я там всё приготовила. Сейчас отдохнёте. Так, аккуратно, – она привычными сильными движениями развернула инвалидную коляску, и они направились через холл к узкому коридору.

– Уважаемые путешественники, – из динамиков, встроенных в стену под потолком, раздался голос директора круиза Юрия Ивановича. – До отправления нашего теплохода в рейс остаётся пятнадцать минут. Просим, кто ещё не зарегистрировался, подойти к стойке администратора на главной палубе. Всех приглашаем на палубу! Мы отправляемся в путешествие!

На пристани заиграл духовой оркестр.

Г-н Альберт не сказал ни слова, только незаметно, как ему показалось, вздохнул.

Полина, не дойдя до каюты, покатила коляску обратно, к выходу на палубу.

Угадывать желания своих подопечных и, по возможности, выполнять их, было одной из её обязанностей.

* * *

Обед начинался в 14:00.

Уже за полчаса до этого времени народ направился к ресторанам. Странно устроены люди. Дома, занятые в течение дня тысячами разных дел, иной раз забываем выпить чашку чая. И есть-то вроде и не хочется совсем! Но стоит нам оказаться в месте, где кормят по часам и, главное, не надо ничего готовить самому, как аппетит разыгрывается задолго до назначенного времени. И что остаётся делать? Только одно. Идти поближе к заветной двери, из-за которой доносятся такие аппетитные запахи... А тем более, первый обед! Столик указан в талончике, но надо же место занять у окна! Чтобы потом, три раза в день, принимая вкусную пищу, наслаждаться видом проплывающих берегов.

Это так же, как в самолёте, почему-то все предпочитают сидеть у иллюминатора. Словно спать удобнее около окошка? А ведь практически все пассажиры во время полёта именно это и делают.

Наконец заветные двери открылись, и путешественники стали заходить внутрь, сдавая администратору зала свои регистрационные талончики. Та, в свою очередь, давала команду официантам, чтобы они провожали каждого до их столика.

Полина пришла, когда очереди уже совсем не было. Она подошла к администратору, немного полноватой, приветливо улыбающейся женщине.

– Извините, пожалуйста, Валентина Петровна, – сказала Полина, прочитав имя женщины на бейджике и протягивая ей два талончика. – Господин Альберт Гольберг не сможет приходить в ресторан. Ему надо приносить еду в каюту.

– Хорошо, – доброжелательно ответила администратор. – Я скажу официанту. Он будет приносить.

– Извините, – сказала Полина и посмотрела на женщину. – Я его сопровождаю в этом путешествии. Я хотела бы сама это делать.

– Нет вопросов, – снова согласилась та. – Сами, так сами. А Вы где будете кушать?

– Я буду здесь. Он сам справится. Руки у него в порядке. Я буду ему относить, а потом возвращаться сюда.

– Ну, и ладненько. Можете за едой для господина Гольберга даже чуть раньше приходить. Минут на пять, чтобы самой-то горяченького успеть поесть. А то мы ведь не сможем подогреть. Кухня-то – внизу. Нам еду на лифте поднимают.

– Спасибо, – улыбнулась Полина, тронутая такой заботой. – Я привыкла уже. Мне вполне достаточно того, что есть.

– Ну, и ладненько, – снова повторила та. – Проходите, вон Ваш столик в конце зала. Возьмите там его салатик и хлебушек. А потом ко мне подойдёте, я распоряджусь, чтобы остальное выдали. А вечером пораньше приходите, как договорились.

– Спасибо Вам, – улыбнулась в ответ Полина и направилась к указанному столику.

– Добрый день, – поприветствовала она сидящих за столом. – Приятного аппетита!

– Добрый, спасибо, – ответили все по очереди, вежливо кивнув в её сторону, не прерывая обеда.

Стол был рассчитан на восемь человек. Он явно был составлен из двух столиков, за которыми спокойно сели бы по четыре человека. Из каких соображений их сдвинули, понять было сложно. Да, в общем-то, в данный момент это никого особенно и не волновало.

Около окна сидели мужчина и женщина средних лет, по всей видимости, семейная пара. Рядом с ними – девочка лет пятнадцати-шестнадцати. «Туристы и их дочь, наверное», – мельком подумала Полина. Ей нравилось вот так, казалось бы, мимолётом, предугадывать характер и увлечения людей.

С другой стороны стола, тоже у окна сидели молодой парень с девушкой. «Молодожёны», – окрестила их Полина.

Два места рядом с «молодыми», видимо, предназначались ей и г-ну Альберту. Напротив неё тоже пустовало ещё одно место.

Полина взяла одну тарелочку с салатом, два кусочка хлеба и, сказав: «Извините, я сейчас вернусь», – направилась к выходу.

Сидящие за столом с некоторым удивлением посмотрели ей вслед, но постарались никоим образом не выдать своё любопытство.

* * *

Полина вернулась в ресторан минут через десять.

Все места, кроме их с г-ном Альбертом, были уже заняты.

– Приятного аппетита! – ещё раз сказала она, усаживаясь на крайнее место и пододвигая к себе оставшуюся тарелочку с салатом.

– Спасибо, и Вам приятного, – доброжелательно откликнулись «туристы». Девочка-подросток что-то невнятное буркнула себе под нос, а молодожёны, казалось, даже и не заметили её появления.

Дама, сидевшая напротив неё, скользнула по ней невидящим взглядом и снова уткнулась в свою тарелку, отрезая острым ножом кусочек сочного мяса.

Полина быстро поела и, сказав всем: «спасибо», встала из-за стола.

* * *

– Ну, вот, примерно так! Да, Томочка? – Олег довольно потёр руки и критически оглядел каюту.

Все вещи были вынуты из чемоданов и аккуратно разложены и развешаны на плечики в стенном шкафу. В самом низу лежали три небольших рюкзака.

Обувь стояла ровным рядком под зеркалом около двери.

На полочках над кроватями разместились несколько «походных» детективов, фотоаппарат и маленькая видеокамера.

На откидном столике под окном стояла начатая бутылка минеральной воды, и лежали несколько пачек сухого печенья.

– Пойду, посмотрю, как там Анята.

– Сходи, сходи. Я пока маршрут отмечу, – ответила Тамара, раскладывая перед собой карту.

Олег вышел из своей каюты и постучал в дверь соседней. Никто не отозвался.

– Анечка, Анята! – тихо позвал Олег.

Он снова постучал и попробовал повернуть ручку. Дверь не открывалась, видно была заперта на ключ.

Олег вернулся к себе в каюту.

– Тома, она не открывает. Или её там нет? – он беспомощно развёл руками.

– Как это нет? – сердито посмотрела на него Тамара. – А где же она?

– Не имею представления, – снова развёл руки в стороны Олег.

Они оба вышли в коридор.

– Анна, открой дверь! – позвала Тамара и дёрнула за ручку двери.

Ответа снова не последовало.

– Ладно, подождём немного. Здесь ей некуда деться. Может, спать легла после обеда? – Тамара вопросительно посмотрела на мужа.

– Может, – неуверенно поддакнул тот, и они вернулись в свою каюту.

* * *

Аня лежала, съевшись и спрятав голову под подушку. Она слышала, как её звали отец с матерью, но ей совершенно не хотелось с ними разговаривать.

Наконец голоса родителей переместились из коридора в соседнюю каюту и теперь гулко раздавались за тонкой стенкой.

Девушка переложила подушку под голову и закрыла глаза. Неужели вот так, целую неделю, она должна будет в одно и то же время вставать, вместе со всеми ходить на кормёжку?

«...дружною толпой кони шли на водопой...» – вспомнились ей строчки из какого-то детского стихотворения.

Ей стало почему-то смешно. Она представила всех, кто сегодня был в ресторане за обедом, такими кентаврами и кентаврихами.

Вот, например, эта парочка, что сидела напротив. Им бы только миловаться друг с другом. Он – настоящий жеребец с длинным чёрным хвостом, а у неё – золотые длинные волосы и тонкие длинные ноги с педикюром на копытах!

«А ничего! Забавно!» – раззадорилась Аня, и мысли понеслись дальше.

А та, что рядом с ней сидела, это – настоящая буйволица! С медной гривой, толстая, кривоногая!

Почему кривоногая? Она ведь и ног-то её толком не видела. А, пусть будет так! Противные они все! И родители тоже хороши! И как это она поддалась на такую провокацию? Целую неделю вот так маяться? Скучотища!!!

А ребята сейчас собираются в «Островке». Это их любимое место! Небольшой барчик на углу улицы Первомайской и Радужной. И барчик сам – радужный! Много молодёжи, огоньки разноцветные, музыка! Всегда можно отдохнуть, потусоваться, покурить...

Так курить хочется!

И чего она испугалась? И всё из-за того, чтобы они разрешили ей уйти из школы после девятого класса. Ну, не хочет она учиться в школе! Не хочет! А чего она хочет?

Аня села на кровати, взяла в руки наушники от маленького плеера. В ушах резко загремели ударные.

Аня сделала звук потише.

А действительно, чего она хочет? Пока сама толком не знала. Пока она наобещала своим предкам: целую неделю не курить, не говорить «плохих» слов, вести себя хорошо, ходить на все экскурсии и делать по утрам зарядку. Прямо как в далёком детстве.

А, что? В детстве было и не плохо совсем. Но, то было «давно, и неправда», как говорится. А сейчас она – взрослый человек! А её предки никак этого понять не могут. И за что они её так ненавидят? Всё чего-то требуют от неё. А она ничего никому не должна. И ей ничего ни от кого не надо! Замуж бы выйти скорее, что ли? Вот тогда они, наконец, от неё отстанут.

Аня вытащила наушники и огляделась вокруг.

Прямо на полу, рядом с туфлями, перевёрнутыми вверх тонкими шпильками, валялась её сумочка. Рядом стоял чемодан на колёсиках с вытянутой вверх ручкой. Надо бы разобраться...

Аня нехотя наклонилась и потянула за длинный ремешок сумочки. Только сейчас она увидела, что напротив, между второй кроватью и стенным шкафом, стоит на полу небольшая клетчатая сумка в виде саквояжа. Такие обычно берут с собой в дорогу дамы в старых английских фильмах.

Аня встала и подошла к сумке поближе. «Может быть, кто-то из прошлых пассажиров забыл?» – подумала она.

В эту минуту в двери щёлкнул замок, и на пороге показалась женщина, которую она уже видела за обедом.

– Здравствуйте, ещё раз, – доброжелательно сказала вошедшая.

– Здравствуйте, – ответила Аня, не скрывая удивления. – А что Вы тут делаете?

– Я – еду в этой каюте, – спокойно ответила женщина, заходя вовнутрь и вынимая ключ из двери.

– Нет, – возразила Аня. – Это – моя каюта!

– Значит, мы с Вами – соседи, – спокойно отозвалась женщина, поднимая саквояж с пола.

– А обещали, что поделят, если не останется свободных мест. Неужели весь теплоход занят? – проворчала Аня, забираясь глубже на кровать и поджав под себя ноги.

– Возможно и не весь, – женщина подняла голову и внимательно посмотрела на неё. – Мне очень нужно быть рядом с соседней каютой. Там – больной человек, а я за ним ухаживаю. И ключ запасной у администратора попросила, чтобы нам с Вами удобнее было.

«Куда уж удобнее», – хмыкнула про себя Аня и отвернулась к окну.

Мысли переключились на родителей:

«Вот ведь какие! Мало того, что насильно заставили меня ехать с ними, так я ещё должна целую неделю терпеть эту гримзу!»

Она скосила глаза в сторону соседки.

Та спокойно занималась своими делами.

Достала из саквояжа тапочки и переобулась. Зубную щётку и пасту отнесла в ванную комнату.

«Аккуратистка», – язвительно подумала Аня и снова отвернулась к окну.

– Вам какую полочку оставить? – соседка стояла около шкафа, держа в руках одежду.

– Без разницы, – равнодушно ответила Аня, не поворачивая головы.

– Тогда верхнюю, – спокойно ответила та, раскладывая свои вещи на полке. – Ну, вроде бы всё.

Женщина по-хозяйски оглядела свою половину каюты и села на кровать.

– Меня зовут Полина, – неожиданно сказала она. – Давайте знакомиться?

– Аня, – ответила девушка, продолжая смотреть в окно и перебирая закрученную в упругую спираль прядь своих каштановых волос.

– Очень приятно, Аня!

Аня с удивлением посмотрела на неё. Чего ей приятно? Какая ей разница, как её зовут? Зовут и зовут.

– У Вас очень красивые волосы, – снова обратилась к ней Полина.

Но их только начавшийся разговор неожиданно прервал голос, громко раздавшийся из висевшего над кроватью радио:

«Уважаемые путешественники! Послушайте, пожалуйста, информацию. В 17:30 мы приглашаем вас на встречу с капитаном и командой нашего теплохода. Встречаемся в баре на верхней Солнечной палубе. А сейчас я немного расскажу вам о теплоходе, на котором мы с вами отправляемся в замечательный семидневный круиз.

Наше судно было построено в Чехословакии в 1975-м году. Длина его – 137,5 м, ширина – 16,7 м, осадка – 2,8 м. Одновременно на борту могут разместиться 321 пассажир...»

Вдруг в стенку около кровати Полины кто-то тихонько постучал. Она быстро встала и вышла из каюты.

Аня ногой задвинула под кровать свои кроссовки, открыла крышку чемодана и начала перекладывать из него вещи на верхнюю полку шкафа.

* * *

– Уважаемые путешественники! Приглашаем вас на ужин. Приятного аппетита!

Полина шла по коридору, держа в руках поднос с несколькими тарелками, накрытыми чистой накрахмаленной салфеткой.

Она пришла в ресторан немного пораньше остальных пассажиров, и Валентина Петровна, как и обещала, выдала ей ужин для Альберта Мироновича.

Полина подошла к двери соседней с ней каюты и открыла её.

Это была обычная двухместная каюта, но одна кровать была поднята вверх и защёлкнута с двух сторон на специальные щеколды. Таким образом, каюта трансформировалась в одноместную, и свободного места становилось намного больше. На настенной полочке лежали коробочка с тонометром и упаковки с медицинскими салфетками и лекарствами. Два флакончика с таблетками стояли на столике. Там же разместился небольшой графин с водой и маленький походный пластмассовый стаканчик.

Кроме этих лекарств и инвалидного кресла, занимавшего практически всё свободное место, ничего не говорило о том, что хозяин этой каюты серьёзно болен.

Альберт Гольберг сидел на своей кровати. На нём была светлая тенниска и такого же цвета лёгкие трикотажные спортивные брюки.

– Я принесла ужин, – сказала Полина, отодвигая флакончики с лекарствами и ставя поднос на столик.

– Благодарю тебя, Поля, – ответил тот и, опираясь на руки, подвинулся к столу.

– Идите на ужин, я сам справлюсь.

Полина достала из флакончика две маленькие таблетки и налила в стакан воды. Он выпил лекарство, и взял в руки вилку и нож.

Полина сняла салфетку и расставила удобнее тарелки на подносе.

– Приятного аппетита, господин Альберт! Я – скоро!

Тот согласно кивнул в ответ и приступил к еде.

* * *

Зал ресторана был полон. Играла лёгкая ненавязчивая музыка. Люди ужинали, знакомились, обсуждали планы на вечер.

Полина подошла в тот момент, когда официантка положила на стол остро отточенный карандаш и листочек, на котором было написано меню на следующий день. Каждый должен был выбрать себе из предлагаемого списка.

Женщина, сидящая с краю, длинным, накрашенным ярким лаком, ногтем поддела листок, пробежала его глазами и, скривив губы, поставила галочки напротив выбранных блюд.

– Позвольте, Вероника, – обратилась к ней Тамара, протянув руку за листочком.

– А мы с какой стороны начнём отсчёт, – не унималась Тамара. – Вы какой номер отметили?

– Четвёртый, – ответила та. – А что, это имеет какое-нибудь значение?

– Нет, нет, что Вы! – махнула рукой Тамара, заглядывая в листок. – Я просто хотела узнать, под каким номером нам отмечаться. Здесь же нет фамилий. Мы, значит, под номерами: первый, второй и третий. Олег, вот смотрите, вы что будете?

– Так, что у нас тут? – с довольным видом произнёс Олег, разглядывая меню. – Куриная лапша, борщ и харчо. Анечка, ты что будешь?

– Мне всё равно, – равнодушно ответила та, выковыривая из салата маленький кусочек ветчины.

– Ну, как может быть всё равно? – отец заглянул ей в лицо.

– Борщ, – безо всяких эмоций сказала Аня.

– Ну, вот, а говоришь, всё равно. – Олег победоносно взглянул на жену.

Та довольно кивнула головой, соглашаясь с ним.

– А на второе что будешь?

– Я сейчас уйду отсюда, – процедила сквозь зубы Аня.

– Ну, ладно, ладно, – смягчил свой натиск отец. – Сами выберем.

Они с Тамарой стали что-то отмечать в листочке, словно для них это было вопросом жизни.

Наконец, процедура выбора меню на завтрашний день закончилась, и листочек перешёл к молодым людям напротив.

– А Вас как зовут? – неожиданно обратилась Тамара к Полине. – А то мы все ещё в обед перезнакомились. А с Вами не успели. Меня зовут Тамара. Это – мой муж Олег. А это – наша дочь Анна. А мы так рады, что Вы с ней в одной каюте! – безо всякого перехода вдруг сменила она тему.

Полина улыбнулась. Смешная какая! Сама уже всё знает, а спрашивает. Наверное, просто любит поговорить?

– Меня зовут Полина, и мне тоже очень понравилась Ваша дочь.

Аня с удивлением посмотрела на Полину, но ничего не сказала. «Вот врёт! Виделись-то всего пять минут, – подумала она. – Взрослые всегда врут, когда хотят сказать что-то приятное. Чем, интересно, она так могла понравиться этой...?»

Аня даже сразу не могла сообразить, каким эпитетом можно наградить эту худощавую, среднего роста женщину.

Ничем особенным она не отличалась. Обычные синие джинсы, обычная блузка с отложным воротничком, обычные прямые русые волосы, собранные в «хвостик» широкой резинкой. Этот «хвостик» как-то немного не вязался с её возрастом, но, в то же время, он так забавно подпрыгивал, когда Полина поворачивала голову!

А на запястье были часы с непонятным браслетом, на котором мигал зелёный огонёк. Там, в каюте, Аня его не видела. А может, просто не заметила? В окно смотрела.

Официантка принесла тарелки со вторым блюдом.

Полина посмотрела на молодых людей.

– Денис, – представился парень. – А это моя жена Снежана. У нас со Снежиком – свадебное путешествие, – видимо, для большей убедительности добавил он, и с нежностью посмотрел на девушку.

– Красивое имя у Вашей жены, – улыбнулась Полина.

«Ничего красивого, – подумала про себя Аня. – И не идёт ей совсем. Снежана, а волосы чёрные, как смоль. Небось, крашеные».

– А меня зовут Вероника Бражинская, – не дождавшись своей очереди представиться, неожиданно заявила женщина, сидящая напротив Полины, и пристально посмотрела на неё.

– Ой, Вероника, – повернулась к ней Тамара. – Мы-то Вас сразу узнали, но неудобно было спросить: Вы – та самая Вероника Бражинская, знаменитая поэтесса?

– Да, та самая, – удовлетворённо подтвердила Вероника, изобразив на лице немного снисходительную улыбку, по очереди оглядывая каждого из сидящих за столом и несколько задержав свой взгляд на Полине.

Её узнали! Даже сейчас, когда она уже так редко появляется на экране телевизора и на первых полосах глянцевого журналов.

Даже сейчас, когда она, никогда не отличавшаяся хорошей фигурой, так расплнела, что превратилась прямо в ходячий квадрат. Когда от её волос из-за бесконечных окрашиваний, высушиваний, выпрямлений и закручиваний остался только «пшик».

Даже сейчас у неё есть поклонники, и её узнают!

Вероника положила немного мороженого, поданного на десерт, в чашечку с чёрным кофе и с удовольствием отпила глоток.

– Вероника! – Тамара, помешивая ложечкой в стакане с зелёным чаем, снова обратилась к ней. – Вы меня извините, но я никогда бы не подумала, что Вы, такая известная, такая талантливая, и вот так, запросто, вместе с нами за одним столом. А Вы нам что-нибудь читаете? Из новенького?

Тамара и на сей раз не изменила себе, перескочив с одной темы на другую.

– Конечно, – согласилась Вероника, мысленно перебирая в уме, что же из новенького она может почитать?

Пожалуй, уже давно у неё ничего новенького и не было. Да, было время, когда её книжки издавались большими тиражами. Сколько песен написано на её стихи! А сейчас, в основном, только редкие переиздания в сборниках или альманахах. Да и то гораздо реже, чем ей бы этого хотелось.

– Ну, до завтра! Спокойной ночи! – Полина поднялась из-за стола.

– А Вы что, уже спать? Сегодня же – концерт будет в 21:00! Там такие интересные артисты! – заверила Тамара.

– Пожалуй не сегодня. Хорошего всем вечера!

Полина ещё раз взглянула на Веронику.

«Да, здорово ты изменилась, Верунчик», – подумала она и направилась к выходу.

Они обе сделали вид, что не узнали друг друга.

* * *

Вероника поднялась по узкой крутой лесенке без двух минут девять. Она остановилась на последней ступеньке и посмотрела в зал.

Все места и за столиками, и на стульях, стоявших в несколько рядов прямо перед сценой, были заняты.

Денис со Снежаной сидели на специальных высоких стульях около барной стойки и, потягивая через трубочки коктейль, о чём-то мило шептались.

Тамара приветственно махнула ей рукой и виновато улыбнулась, показывая на сидящих рядом людей.

Вероника кивнула ей головой и, посмотрев в другую сторону, увидела несколько складных стульев. Она, не торопясь, взяла один из них, разложила, поставила на свободное место сбоку от сцены и села.

Концерт начался. Вероника критически осмотрела наряд ведущей – длинное вечернее платье из тёмно-коричневого тяжёлого шёлка, ниспадающее красивыми складками до самого пола.

«Да, – подумала она, – было времечко...»

Ей припомнились вот такие же круизы, где она сама выступала на этих сценах, где звучали её стихи и песни, и именно ей аплодировали зрители. Да разве только на теплоходах? Где она только не побывала. Концерты, встречи, творческие вечера! Боже мой! Ведь всё это было!

Вероника провела рукой по волосам. Сейчас они были у неё яркого красно-медного цвета. Длинная прямая чёлка опускалась почти до самых глаз. Остальные волосы были подняты вверх и скреплены шпильками на затылке. Сверху был приколот шиньон такого же цвета, что придавало всей причёске пышность и объём.

Эти красные волосы необыкновенно хорошо сочетались с платьем из шёлка бутылочно-зелёного цвета, прошитого тонкими ниточками блестящего люрекса. Платье было довольно узкое и плотно обтягивало фигуру, и, как будто специально, выставляло напоказ всё то, что обычно женщины пытаются скрыть. Но его обладательница видимо не страдала комплексом возрастной неполноценности, и глубокое декольте было ещё одним тому доказательством. Тем более что шею её украшало необыкновенно красивое кольцо из хорошо огранённых изумрудов, вкрапленных в ажурное переплетение из белого золота. Вероника никогда не признавала бижутерию, даже от самых известных ювелирных марок.

Только сейчас Вероника оценила преимущества своего места: получалось, что она сидела практически лицом к залу. То, что артисты оказывались к ней спиной, было для неё не так важно. Она наизусть знала весь репертуар подобных концертов. А вот интересно, сколько людей её узнают? И узнают ли? Но о втором вопросе она старалась не думать.

* * *

– Дорогие друзья! – ведущая обратилась к аплодирующей публике. – Я очень рада, что вы так тепло принимаете наших артистов! – аплодисменты усилились. – Мы будем ждать вас здесь, в баре на Солнечной палубе, каждый вечер, ровно в 21:00! Я оставляю с вами «Весёлый пароходь», прекрасных музыкантов, которые подарят вам свою музыку. Напоминаю, что в баре на Шлюпочной палубе сейчас начинается дискотека. Наш диск-жокей Лекс уже всё подготовил и будет рад вас видеть! Приятного всем отдыха!

Вероника не спешила вставать. Люди потянулись к лестнице, не обращая на неё никакого внимания, только Тамара опять махнула рукой, на ходу что-то торопливо говоря Олегу.

Веронике почему-то стало грустно на этом чужом «празднике жизни». Она вздохнула и тяжело поднялась со стула. Какая тоска!

«Напитаться, что ли?» – словно спрашивая сама у себя разрешения, подумала Вероника.

Она уверенной походкой направилась к бару и заказала двойную порцию виски. Потом повторила заказ.

Настроение заметно улучшалось прямо пропорционально выпитому количеству спиртного. Через двадцать минут мир для Вероники уже не казался таким беспросветно мрачным. В глазах блестели огоньки. Медная чёлка неровными прядками приклеилась к вспотевшему лбу. Кудрявый шиньон немного съехал набок. Совсем чуть-чуть, что тоже не давало особого повода для беспокойства, а, впрочем, Вероника про него совсем и не вспоминала.

Музыканты уже от репертуара Фрэнк Синатры перешли к концерту «по заявкам», зазвучали знакомые ритмы, более привычные большинству отдыхающих, оставшихся в баре. Под них можно было танцевать, не думая ни о чём.

– Потанцуем? – рядом оказался мужчина неопределённо средних лет в светло-бежевом льняном костюме, короткие рукава которого эффектно оттеняли сильные загорелые руки.

Чёрные волосы были гладко зачёсаны назад, над верхней губой красовалась тонкая полоска ровно подстриженных усиков.

«Ну, прямо Голливуд, да и только!» – про себя подумала Вероника.

Следующей мысли не суждено было появиться, потому что мужчина ловко подхватил её за обтянутую зелёным шёлком талию и увлёк в центр танцевальной площадки.

«Ах...» – Вероника попыталась поймать эту ускользнувшую от неё мысль...

Золотой небольшой крестик с гравировкой мелькнул перед её глазами, но уже через мгновение она вообще перестала ощущать себя и всё, что происходит вокруг.

* * *

Альберт Гольберг лежал в своей кровати, но сон не шёл.

Всего два дня отделяет его от того, к чему он так стремился целые шестьдесят лет! Всего два дня. Но, почему так страшно? Откуда такая неуверенность? Может быть и не стоило вообще затевать этой поездки? Да и не знает он, встретит ли вообще кого-нибудь, кто вспомнит его?

Альберт попытался повернуться на бок. Хоть чуть-чуть. Ноги последние два года практически совсем стали неподвижными. Результат давней контузии. Да в общем-то и вся его послевоенная жизнь стала результатом того страшного взрыва, в эпицентре которого он тогда очутился с разведгруппой. Молодой совсем. Пацан семнадцатилетний. До восемнадцати нескольких месяцев не хватало. Мать радовалась, думала, уедут к тётке под Красноярск, сэкономит сына. А ему обидно было. Здоровый мужик-то! За мамкину юбку прятаться что ли? Вот и убежал из дома, никому ничего не сказав.

По пути к фронту повезло – познакомился с молодыми солдатами, как потом оказалось, разведчиками. И командир-то был почти ему ровесник, и безупречное знание «немецкого» пригодились как нельзя кстати. Мать в школе преподавала, так с него спрос был такой, что, если не выучишь, домой лучше не появляться. Это, по сути, и спасло ему жизнь. Мама, мама... Не знала ты, что видимся мы тогда в последний раз. Вещи в дорогу собирала, пироги пекла, улыбалась чему-то...

Левая нога начала подёргиваться.

Альберт, насколько мог дотянуться, стал растирать её руками. Не помогло.

Дрожь усиливалась.

«Вот, накрутил себя. Чего разнервничался?» – проворчал он и нажал кнопку на браслете часов, надетых на левой руке.

Через пару минут в дверь тихонько зашла Полина.

– Извини, Поля, – виновато сказал Альберт.

– Не надо извиняться, – ответила Полина. – Это моя работа. Сейчас укольчик сделаю, Вам полегче станет.

Она тщательно протёрла руки ваткой, смоченной в медицинском спирте, набрала в шприц лекарство, заранее приготовленное на столике, и наклонилась над ним.

– Потерпите, пожалуйста, немного пощиплет.

Полина быстро сделала укол и стала аккуратно растирать ногу, сведённую судорогой.

– Какие у тебя руки волшебные, – проговорил Альберт, закрыв глаза и начиная приходить в себя от атаки этой ужасной боли. – Как хорошо, что со мной поехала именно ты.

– Ну, не меня б нашли, так другую. В нашем агентстве таких, как я – много. И все очень хорошие. У нас ни одной жалобы от клиентов не было!

– Это – хорошо, – согласился Альберт. – Но у тебя руки добрые. Это так важно!

– Спасибо, – ответила Полина, накрывая его одеялом.

Нога успокоилась. Снотворное, которое, видимо, тоже содержалось в лекарстве вместе с обезболивающим средством, начало своё действие.

Полина навела на столе порядок, выбросила остатки разбитой ампулы и использованный шприц.

– Ну как, полегче стало? – она наклонилась над ним, поправляя одеяло. – Ещё что-нибудь хотите, господин Альберт?

– Да, – ответил тот, открывая вдруг глаза и внимательно посмотрев на неё. – Не называй меня господином Альбертом. В этой поездке. Пожалуйста.

– А как... – не договорила Полина, удивлённая такой необычной просьбой.

– Папу моего Мироном звали. Я, стало быть, Альберт Миронович. Да и не Альберт вовсе... – последних слов Полина уже не расслышала.

День второй Углич

Углич – один из самых древних городов Верхней Волги. Местные жители относят его основание к 937-му году, когда посланец княгини Ольги выстроил крепость на высоком берегу Волги. Город возник на обжитом месте, в его окрестностях археологами найдены следы древних поселений. Первое упоминание об Угличе в летописных источниках относится к 1148-му году, где город именуется «Угличе поле».

В каюте на фоне тихого щебетания птиц раздался голос Юрия Ивановича:

– Доброе утро, уважаемые путешественники, доброе утро! Просыпаемся. Поднимаемся.

Температура воздуха за бортом +8 градусов...

Пение птиц усилилось, потом снова стало потише, и Юрий Иванович продолжил:

– Сегодня 21 мая, второй день нашего путешествия. И начнём мы его с зарядки. В 8:10 приглашаем вас на корму Шлюпочной палубы...

Через несколько минут Тамара и Олег, одетые в спортивную форму, постучали в каюту Ани.

Никто не отвечал.

– Ладно, неудобно перед Полиной, – шёпотом сказал Олег. – Разбудим её, а она, может быть, никогда и не делает зарядку.

– Да, наверное, – также шёпотом ответила Тамара. – А как же мы Аньку будить будем?

– Считай, что сегодня ей повезло, – усмехнулся Олег. – Потом решим, – и они направились в конец коридора к выходу на палубу.

Теплоход шёл ровно, плавно. То, что он вообще был в движении, выдавали только шум моторов и плавно скользящая полоска противоположного берега.

Воздух был ещё прохладным, но солнце поднялось уже достаточно высоко.

Волны медленно, будто нехотя, подкатывали к борту, бесшумно ударялись об него и, немного откатываясь назад, вздрагивали пенистыми брызгами. И солнце, словно нанизав эти капельки воды на свои лучи, моментально разукрашивало их в яркие золотистые цвета.

– Томочка, ты только посмотри! – Олег восторженным взглядом обвёл завораживающую своей красотой картину.

Тамара молча кивнула в ответ, словно боясь спугнуть эту переливающуюся радужную тишину.

На корме заиграла бодрая музыка.

– Раз, два, три, четыре, – в такт ей раздался голос физрука.

Олег и Тамара поспешили присоединиться к группе.

* * *

Аня слышала, как закрылась дверь за Полиной.

«Пошла к своему больному», – равнодушно подумала она и посмотрела на часы.

Через пятнадцать минут начинался завтрак.

Вставать не хотелось, но очень хотелось крепкого горячего кофе.

Аня села на кровати, собрала в руку свои густые выющиеся волосы и снова их распустила.

Длинные пряди рассыпались по плечам.

Она встала и, громко зевнув, пошла умываться.

Ровно в девять часов она открыла дверь своей каюты и столкнулась с Тамарой, направлявшейся к ней.

– Ну, вот, молодец! Сама встала! – похвалила её мать. – Всегда бы так!

– С добрым утром, мамочка! – сказала Аня и, закрыв дверь на ключ, прошла мимо неё.

– С добрым! – растерянно ответила ей вслед Тамара и повернулась к Олегу, только что вышедшему из каюты. – Что это с ней?

– Ну что тут такого, Томочка? Девочка сама собралась, она уже большая, – широко улыбаясь, ответил тот.

Тамара недовольно пожала плечами, и они направились к ресторану.

* * *

Углич был первым экскурсионным городом на маршруте.

Как только теплоход пришвартовался, все поторопились сойти на берег.

– Господа, прошу вас, аккуратнее! – Юрий Иванович в белоснежном костюме суетился около трапа. – Экскурсионные автобусы ждут вас на площади. На каждом автобусе есть номер. Пожалуйста, соберитесь около автобусов, на которых написаны номера, согласно номеру вашей группы, в которую вы записались.

Его речь была несколько витиеватой, но он совершенно искренне хотел дать как можно больше подробной информации, дабы избежать даже малейших недоразумений.

Сопровождающие, высоко держа таблички с номерами групп, повели всех к автобусам.

Вероника намеренно записалась не в ту группу, в которой шли её соседи по столику. Она терпеть не могла ходить толпой! Тем более среди знакомых.

Проход на площадь лежал через городской парк. На центральной аллее с двух сторон стояли сувенирные палатки, необходимый атрибут всех туристических маршрутов.

«Везде одно и то же! – тоскливо подумала Вероника, на ходу оглядывая прилавки, заставленные пёстрыми рядами матрёшек. – И зачем я поехала? Чего я здесь не видела? Не хочу идти!»

Она внезапно остановилась, чем вызвала недовольство натолкнувшихся на неё идущих следом людей.

Вдруг кто-то нежно взял её под локоть:

– Ника, можно составить Вам компанию?

Вероника почувствовала, как по телу прошла мелкая дрожь. Она, не поворачивая головы, чуть кивнула и, прижав локоть чуть сильнее, чем это было необходимо, чтобы удержать руку попутчика, сделала шаг вперёд, явно приглашая его последовать за ней.

«Ника...» – Вероника глубоко вздохнула. Она не помнила, чтобы так представлялась вчера, но ей была приятна такая лёгкая фамильярность. Она предполагала хоть какое-то развлечение на предстоящую неделю.

– Здравствуйте, Родион! – Вероника немного повернула голову в его сторону. – Вы в какой группе?

– В Вашей! – прошептал Родион ей в самое ухо.

Жёсткая щётка усов пощекотала нежную кожу, и Вероника еле сдержалась, чтобы не рассмеяться. Ей было приятно такое угодливое внимание со стороны молодого человека.

– Значит, в третьей, – одобрительно сказала она и немного прибавила шаг.

– Значит, в третьей! – подтвердил Родион и уверенно двинулся за ней.

* * *

Альберт Миронович сидел в своём кресле на палубе и смотрел на удаляющуюся группу туристов.

Много бы он сейчас дал, чтобы оказаться среди них! А жизнь бы отдал?

Альберт Миронович подкатил коляску к самому бортику. А, действительно, вот говорят же, «отдам жизнь!» А за что? За его же жизнь? Ведь никуда не деться от прошлого, от того, что случилось. А случилась его жизнь. Трудная, иногда, казалось, просто несовместимая с этой самой жизнью, но она была. И есть! У него прекрасная жена, дети, внуки, правнуки!

Альберт Миронович улыбнулся, вспомнив маленького Ванечку, который каждый раз смешно вскарабкался к нему на колени и плакал навзрыд, когда его хотели оттуда забрать. Малыш очень любил своего прадеда. Он ещё не понимал этих сложных родственных отношений и названий, но каждый раз, когда они встречались, он ни на шаг не отходил от коляски, в которой сидел счастливый дед.

Вообще-то он был Гансом, но никто из близких не препятствовал тому, что дед называл его Ванечкой. Каждый знал историю их семьи и всячески способствовал тому, чтобы русский язык и русская культура не забылась и поддерживалась каждым следующим поколением.

Солнце стало сильно припекать, и Альберт Миронович решил перебраться на другую сторону теплохода.

– Поля, – обратился он к Полине, сидевшей рядом в пластмассовом кресле. – Помоги спрятаться от солнца.

– Вы хотите в каюту пойти или на другую сторону? – спросила Полина, откладывая в сторону блокнот, в который что-то записывала.

– На другую, Поля. Никак надышаться не могу!

Полина встала и повезла коляску по палубе.

С другого борта открывался вид на реку. В этом месте она была довольно широкой.

– Поля, смотри, смотри! – крикнул Альберт Миронович, указывая на то место, где река делала крутой поворот.

Из-за него вдруг показался теплоход.

Он, гордо выкинув вверх большую трубу, вышел на простор реки и, медленно поворачивая, взял курс на пристань.

Альберт Миронович и Полина заворожённо смотрели на это зрелище.

Теплоход приблизился на необходимое расстояние, повернулся боком к берегу и стал всем корпусом двигаться по направлению к их борту.

Наконец, еле заметный толчок возвестил о том, что швартовка окончена.

Прибывшие пассажиры стали гуськом проходить через холл их теплохода на пристань.

– Ну, что, Альберт Миронович, на корму пойдём? – спросила Полина.

Тот неопределённо пожал плечами, но оставаться на этом борту стало уже не так интересно. Причаливший теплоход полностью перекрыл вид на реку.

– Да, ладно уж, Поля, пойдём в каюту, – отозвался Альберт Миронович. – Что-то устал я.

– Да и то верно, – согласилась Полина. – И массаж делать пора, и обед уже скоро, – и она развернула коляску в сторону холла.

* * *

За обедом все спешили поделиться впечатлениями от первой экскурсии.

– Мы в Угличе уже третий раз, – сказала Тамара, поливая растительным маслом кусок чёрного хлеба и густо посыпая его солью. – Один раз по «Золотому кольцу» ездили, другой

раз – отдыхали здесь недалеко. Санаторий замечательный! А минеральная вода какая необыкновенная! Мало того, что сама по себе очень полезная, так её там заряжают от любой болезни!

Снежана с любопытством посмотрела на неё.

– Наливаешь в бювете бутылку этой воды, – не заметив этого взгляда, с заговорщицким видом продолжала Тамара, – и врач тебе её в кабинете заряжает специальным прибором.

– А сувениры везде одни и те же, – Вероника, видимо, услышав французское слово «бювет», тоже решила предаться воспоминаниям. – В Париже, например, можно купить веер с надписью «PARIS», а на Кипре тот же веер будет с надписью «CYPRUS».

За столом повисла небольшая пауза. Словно Вероника их сейчас в чём-то уличила. То ли в том, что Углич – явно не Париж, то ли в чём-то ином?

Это лёгкое замешательство спасла официантка, принёсшая тарелки с первым блюдом.

Все с аппетитом принялись за еду.

– А что? – Снежана обратилась к Тамаре. – Эта вода, о которой Вы говорили, действительно от всех болезней помогает?

– От всего, от всего, – с видом знатока ответила Тамара. – Особенно женщинам помогает, – прикрыв рот рукой и немного подавшись вперёд, добавила она шёпотом.

– Солнышко, – наклонился к ней Денис, – тебя что-то беспокоит?

– Нет, конечно, – улыбнулась она ему в ответ, – просто интересно. Как голубцы? Вкусно?

– Приятного аппетита! – Полина села на своё место.

– Вы что-то задержались сегодня? – заботливо поинтересовалась Тамара.

– Да, немного, – ответила Полина, наливая в стакан воды из графина. – Так получилось.

Было видно, что она не намерена объяснять причины своего опоздания. А, впрочем, это пока ещё мало кого и интересовало. Пока это были ещё совсем чужие люди, случайным образом попавшие в одну историю. Случайным образом судьба свела их вместе на какой-то совсем непродолжительный период, и это путешествие было лишь одним эпизодом в жизни каждого из них.

Но, как говорят мудрецы: случайность – это всего лишь непознанная закономерность. И кто знает, на какую линию судьбы «вывезет» кривая той или иной случайной встречи? Кто знает?

* * *

Второй день путешествия для Полины пролетел быстро. Впрочем, как и первый.

Всегда, когда живёшь по расписанию, время летит незаметно.

Уход за Альбертом Мироновичем был ей не в тягость. Она давно занималась этой работой. Имея медицинское образование, Полина быстро и чётко выполняла всё, что было предписано врачами. Но, кроме всего, она по своему характеру была очень ответственным и обязательным человеком. И добросердечным, что в наше время встречается, к сожалению, не так часто. А сочетание всех этих качеств позволяло ей иметь хорошую репутацию и постоянную и вполне пристойную заработную плату.

Закончив все необходимые процедуры и пожелав Альберту Мироновичу «спокойной ночи», она вернулась в свою каюту.

Аня сидела на кровати и подправляла форму ногтей маленькой маникюрной пилочкой.

– Привет, – сказала Полина и села на кровати.

Аня кивнула головой в ответ, не вынимая наушников из ушей и не прекращая своего занятия.

– А ты почему на концерт не пошла? – снова попыталась завести разговор Полина, но Аня просто пожала в ответ плечами, давая понять, что не желает поддерживать разговор.

– Ну ладно. Тебе не надо в ванную? – Полина поднялась и взяла халат.

Аня отрицательно покачала головой.

«Вот пристала, – подумала она. – Теперь мне её всю неделю развлекать надо будет, что ли?»

– Анюта, посмотри, пожалуйста, – Полина сняла браслет с часами и положила на стол. – Если замигает красная лампочка, сразу мне скажи, ладно? А то боюсь, чтобы не намок. Я быстро!

Аня вынула наушники и внимательно посмотрела на браслет.

– Хорошо, – сказала она. – Я скажу.

Когда за Полиной закрылась дверь, Аня взяла браслет в руки и разглядела его со всех сторон. Интересная штука. И мобильник не нужен. А то на разговоры столько денег уходит! А тут только нажми кнопку, и все знают, что пора выходить гулять...

Красная лампочка замигала в ту минуту, когда Полина вышла из ванной комнаты. Словно больной заранее подгадал этот момент.

Полина, как была, с распущенными мокрыми волосами, в халате и тапочках выбежала из каюты.

Аня спокойно закончила обрабатывать ногти, покрасив их ярким блестящим лаком.

Ей вдруг захотелось пойти посмотреть, что там делается на этом вечернем концерте, который так рекламировали родители.

Вчера она поддалась на их уговоры, пошла. Скука несусветная! Хотя все были довольны, аплодировали! Даже эта Вероника в своём дурацком зелёном платье прабабушкиных времён.

Сходить, что ли? Может быть, сегодня что-нибудь поинтереснее придумают?

Аня открыла шкаф. На полке лежали две маечки на тонких бретельках, футболка с длинным рукавом, короткая юбочка и шорты. Джинсовая курточка висела на плечиках. Это была вся её одежда. Она, собственно, и не предполагала здесь особенно наряжаться. Да и дома-то она была не слишком придирчива к нарядам. Чем проще, тем лучше. Выделяться из общей компании не хотелось. Да и, если честно, было не на что это делать. Родители её – люди совершенно среднего достатка. При всей непредсказуемости своего возраста и характера, Аня это прекрасно понимала и ничего лишнего для себя не требовала.

Потеребив в руках свои нехитрые наряды, Аня закрыла шкаф и решила пойти в том, что было на ней: в джинсах и футболке с яркой надписью на груди.

Подойдя к зеркалу, она собрала волосы и закрепила их большой перламутровой заколкой. Потом открыла шкаф, взяла курточку и, накинув её на плечи, вышла из каюты.

* * *

Концерт закончился в начале одиннадцатого.

Народ начал расходиться. Кто-то пошёл отдыхать, кто-то решил потанцевать на дискотеке, а некоторые остались здесь, в этом баре.

– Ну что, Анечка, как тебе? – Олег обнял дочь за плечи.

– Тоска... – ответила она, скривив недовольно губы.

– Ну, это ты зря, – возразил Олег. – Очень хорошие музыканты! Особенно тот, что на саксофоне. Как его зовут, не помнишь? – повернулся он к Тамаре, которая сидела за соседним столиком и что-то оживлённо рассказывала нескольким женщинам, внимательно её слушающим.

– Игорь, – не прерывая своего рассказа, ответила Тамара.

– Да, точно, Игорь Волин! – Олег хлопнул себя по лбу. – Понравился тебе Игорь? – он опять обратился к дочери.

– Нормально, – неопределённо ответила та.

На самом деле Игорь ей понравился.

Аня сама никак не могла понять, чем он её «зацепил»?

Как парень, он вообще был не в её вкусе. Невысокого роста, плотного телосложения. Тёмная чёлка, разделённая прямым пробором, длинными прядками закрывала почти всё лицо.

Да какой же он парень? Совсем взрослый мужчина, наверное, где-то за тридцать? Для Ани это была какая-то недостижимо-древняя цифра...

Но играл он здорово! Она никогда раньше не слышала этой музыки.

С детства родители приучили её к бардовской песне под гитару, в походах у костра или у кого-то дома.

В компании её ровесников звучали совсем другие ритмы. Но сегодня она услышала иную музыку, даже не музыку, а повествование, разговор. И разговор этот был именно с ней. Во всяком случае, ей так показалось. Музыкант словно рассказывал свою историю, и она, Аня, его понимала.

А история была очень грустная. Если бы не сидящие рядом родители, Аня, возможно, даже расплакалась бы.

«Да», – выдохнула Аня, вернувшись из своих мыслей в реальность.

– Ты что-то сказала? – спросил Олег.

– Нет, ничего, – ответила Аня. – Пойду на дискотеку схожу, посмотрю, что там.

– Пойди, пойди, – согласился Олег. – Мы с мамой тут ещё посидим. Только, смотри, аккуратнее там, – не удержался от совета Олег.

– Ладно, не волнуйся! Пить, курить и за борт прыгать не буду, – усмехнулась Аня и направилась к лестнице.

– Ну и шуточки у тебя! – кинул ей вдогонку отец, но она его уже не слышала.

* * *

«Ну, наконец-то, полегчало», – Полина тихонько, чтобы не потревожить только что уснувшего Альберта Мироновича, поправила одеяло.

Сегодняшний приступ поддался не сразу. Такое бывало и раньше, но сегодня был момент, что Полина сама себе показалась совершенно беспомощной перед натиском болезни своего подопечного.

Сердце... Это всегда непредсказуемо. А тем более у человека, имеющего немалое количество других серьёзных заболеваний. А если ещё сюда приплюсовать возраст, чрезвычайное нервное напряжение, отсутствие привычных домашних условий. Да много ещё чего можно было бы добавить, чтобы оправдать такую сложную ситуацию.

Но не в правилах Полины было списывать на обстоятельства возникающие трудности. Она прекрасно понимала ответственность, которая ложилась на неё во время ухода за немощными и больными людьми, а учитывая практически экстремальные условия данной поездки, эта ответственность возрастала многократно.

Полина посмотрела на часы. Второй час ночи.

Она, не вставая со стула, наклонилась к Альберту. Тот спокойно спал, немного похрапывая на вдохе.

Полина протянула, было, руку, чтобы чуть-чуть повернуть его голову на бок, но, боясь разбудить, не решилась этого делать.

Уйти в свою каюту тоже было бы рискованно.

Полина оглянулась назад. Вторая кровать была поднята и надёжно закреплена у стены специальными держателями. Открыть их бесшумно, да ещё в темноте, было практически невозможно.

Очень хотелось умыться холодной водой.

Она посмотрела на приоткрытую дверь ванной комнаты, удерживаемую в таком положении сложенной в несколько раз газетой. Из-под неё пробивалась тонкая полоска света, которая служила им своеобразным ночником.

Полина встала и сделала шаг к ванной комнате.

Альберт чуть шевельнулся, и она снова села на стул.

Облокотившись на столик и подложив под голову руки, она задремала.

До подъёма на теплоходе оставалось шесть часов.

День третий Ярославль

Ярославль был основан в 1010-м году киевским князем Ярославом (Мудрым) Владимировичем как город-крепость на правом берегу реки Волги при впадении в неё речки Которосль.

– ...третий день нашего путешествия. И начнём мы его, как обычно, с зарядки...

Полина открыла глаза. Она прослушала всё объявление до конца, не в силах пошевелиться. Руки и шея так затекли, что она их совсем не чувствовала.

Полина медленно подняла голову и посмотрела на Альберта.

Тот лежал с открытыми глазами и молча смотрел на неё.

– Как Вы себя чувствуете? – спросила Полина, растирая онемевшие пальцы.

– Поля, ты всю ночь вот так просидела? – ответил он вопросом на вопрос.

– Ничего, я привыкла, – она встала и прошла в ванную комнату.

Через несколько минут она уже набирала в шприц лекарство для укола.

* * *

Завтрак на теплоходе проходил в форме «шведского стола».

Первым делом Полина налила чашечку горячего чёрного кофе и, сев на первое свободное место, начала пить маленькими глотками.

Только сейчас она начала чувствовать усталость и непреодолимое желание спать. Даже не спать, а хотя бы просто лечь. Дать отдохнуть уставшим за ночь мышцам.

– Доброе утро, Поляночка! – услышала она над ухом громкий голос Тамары.

– Доброе утро! – ответила она, кивнув в ответ.

– К Вам можно? – спросила Тамара и, не дождавшись ответа, выставила на стол кучу тарелок с разной едой.

«Как она всё это держала в руках? – подумала про себя Полина. – А ведь всё это ещё надо съесть...»

– Сегодня – долгая экскурсия, – словно отвечая на её немой вопрос, сказала Тамара. – Надо хорошенько подкрепиться! Ставь, ставь сюда!

Последние слова относились к Олегу, принёсшему тоже изрядное количество еды.

– Анна, а ты почему ничего не ешь? – переключилась Тамара на дочь. – До обеда сто раз проголодаешься. Мы сегодня к «Синему камню» поедим.

– Никуда я не поеду, – ответила та, медленно жуя бутерброд с копчёной колбасой и запиная его какао.

– Что это значит, не поедешь? – Тамара вопросительно посмотрела на мужа. – Это же «Синий камень»!

Она сказала это таким тоном, словно приглашала посмотреть на прилетевших инопланетян.

– Пойду, возьму что-нибудь, – сказала Полина. Ей совсем не хотелось слушать эту перепалку с утра, но пересест за другой столик было уже неудобно.

На длинных, накрытых белыми накрахмаленными скатертями, столах были расставлены большие блюда с разной едой. Всё выглядело красиво и аппетитно. Хотелось всего попробовать.

Она положила себе немного геркулесовой каши, пару блинчиков со сметаной, несколько тонко нарезанных кусочков сыра и ветчины, кусочек масла, сдобную булочку, маленькую коробочку малинового джема, налила ещё кофе, теперь уже с молоком, и, поняв, что на этом пора остановиться, направилась к столу.

– В нашем полку прибыло! – оповестила её Тамара, кивнув в сторону подсевших за их столик Снежану и Дениса.

– Доброе утро! – поздоровалась с ними Полина и принялась за еду.

– Ну, так вот, – продолжила Тамара свой рассказ, видимо прерванный приходом Полины, – у этого «Синего камня» чудеса происходят. Исцеляет он от всевозможных болезней. Это издавна было известно.

А история его такая. Более двух тысяч лет назад, когда финны-язычники пришли на Плещеево озеро, там гора была, высотой более 30-ти метров. Они это место и облюбовали. Вода рядом, и окрестности все с горы просматриваются.

А камень этот на самой вершине горы лежал. Они и стали ему поклоняться.

Потом финнов-язычников сменили славяне-язычники, почитавшие языческого бога Ярило, а поэтому святыню своих предшественников они не повредили. Но зато рядом с ним соорудили большой славянский населённый пункт под названием Клещи. Именно на этом месте вырос впоследствии город Переславль-Залесский.

А целительная слава этого камня сохранилась до сих пор. Все туда приезжают, и старые, и молодые. Молодожёнов много. Там все кусты и деревья ленточками завешаны. Каждый оставляет то, что есть под рукой: ленточки, тряпочки, даже кусочки скотча.

– Глупости всё это, – усмехнулся Денис, допивая свой кофе.

– Как знать? – возразила Тамара. Нам, когда по «Золотому кольцу» ездили, соседка наша рассказывала, что дочка её от бесплодия вылечилась. Но мы в прошлый раз не попали туда. Автобус сломался, а пока другой ждали, время экскурсии закончилось. Сейчас надо обязательно съездить. Не упускать же такую возможность?!

– Так Вам-то зачем туда? – бесцеремонно заявил тот.

– Денис, перестань! – осекла его Снежана.

В воздухе повисла напряжённая пауза.

– Извините, – сказал Денис. – Я не хотел Вас обидеть. Просто не верю я в эти штучки.

– А тут не важно, кто во что верит, – примирительно ответила Тамара. – Главное, что камень помогает. А почему это происходит, одному богу известно.

– Ну, наверное, Вы правы, – согласился Денис, видимо, из желания скорее закончить этот бесполезный для него разговор. – Пойдём, Снежик.

Они встали из-за стола.

– Если решите поехать с нами, не задерживайтесь! – крикнула им вдогонку Тамара. – Как причалим в Ярославле, сразу берём такси и уезжаем. Дорога неблизкая. Двести километров в обе стороны.

Полина за время всего этого разговора не проронила ни слова. Вот, если б знать об этом «Синем камне» тогда, двадцать лет назад...

* * *

После завтрака Альберт почувствовал себя немного лучше, но Полина всё-таки настояла на постельном режиме. Завтра в Плесе они должны будут сойти на берег. У капитана корабля и директора круиза все формальные разрешения на этот счёт были уже получены.

Собственно, завтра наступит тот день, из-за которого и было предпринято это путешествие. Очень трудное, очень болезненное, но такое необходимое для него.

– Как дела? – спросила Полина, заходя в каюту.

– Хорошо. Всё хорошо! – он повернул голову, чтобы лучше её видеть. – Поля, я ведь выдержу? Мне нельзя хандрить, ведь правда? Я должен доехать.

Полина присела перед кроватью.

– Конечно, Альберт Миронович! Вы даже и не думайте ни о чём другом! Иначе, зачем же мы такие трудности преодолеваем? – она улыбнулась и взяла его руку.

Его тонкие длинные пальцы, обтянутые почти прозрачной кожей, мелко-мелко задрожали у неё в ладони.

– Ну, будет, будет, – Полина промокнула покотившуюся по его щеке слезинку, – разве можно так расстраиваться? Вам радоваться надо. Вы ведь здесь уже, совсем рядом. Я не знаю всей Вашей истории, но понимаю, что для Вас это очень важно. А значит, это обязательно будет. Вы ведь на родину едете.

– Да, на родину, – повторил Альберт, переводя взгляд на небо за окном, – на родину... А когда-то я пошёл эту родину защищать, да только неудачно получилось.

Семнадцатилетним мальчишкой на фронт убежал. Знаешь, Поля, до сих пор не могу себе простить, что с мамой не попрощался по-человечески. По-сыновьи. Втихую убежал, как вор какой-то. Жалко маму. Часто вспоминаю её. Молодая была, красивая. Пирогі вкусные пекла, – он улыбнулся, глаза немного прищурились, выдавив новый поток слёз.

Полина не стала их вытирать, а просто молча слушала. Возможно, сейчас эта исповедь была для Альберта более важной, чем тысяча уколов и лекарств.

– Ну, вот, убежал, значит. Я хорошо знал немецкий, мама научила... – он опять сделал паузу, глядя на облака и словно читая по ним свою биографию, – попал к разведчикам. А потом – этот страшный взрыв... Как выжил и не помню совсем.

Меня взрывной волной очень далеко отбросило. Наверное, это и спасло мне жизнь. Контузия была сильная, а ранений – только нога немного. Можно сказать, царапина. На войне тогда на такую рану и внимания не обращали. Это как будто сейчас ножом палец порезать.

Я тогда и предположить не мог, чем это ранение для меня обернётся спустя много-много лет.

А тогда, очнулся я – вокруг никого. Взрывы уже затихать стали. Посидел немного, в себя чуть пришёл. Потом слышу, ветка хрустнула. Обернулся – Петька из нашей группы. Еле ползёт, кровью обливается.

Ну, я его кое-как перевязал, и решили мы в лес податься, к нашим. Не знали мы тогда, что фашисты план свой изменили и ударили там, где мы их совсем и не ждали. Много тогда таких, как мы, в окружение к ним попали.

Потом к нам ещё несколько человек присоединились. А потом – плен.

Петьку сразу расстреляли. Он уже совсем идти не мог...

Альберт закрыл глаза. Страшные картины снова ожили перед ним, заставляя снова и снова переживать каждую минуту тех трагических дней.

– Очнулся уже в плену, – продолжил он свой рассказ. – И там меня знание немецкого языка выручило. Всё понимал, что немцы говорят. Чувствовал какое-то моральное превосходство над ними. Развлечение себе такое нашёл. Очень трудно было, Поля. Больно очень. Как выжили? Сам до сих пор понять не могу. Что они с людьми делали. Боже мой! Боже мой!

Поля, в этом кошмаре не только жить, вспоминать о нём страшно. Ни один фильм не сравнится с тем, что мы там пережили. Ты мне веришь? – он посмотрел ей прямо в глаза.

– Да о чём Вы, Альберт Миронович? Как же такому не поверить?

– А вот, очень просто, Поля! – Альберт снова перевёл взгляд за окно. – Очень просто, как оказалось. Почти в самом конце войны нас освободили. Американцы. Как мы радовались! Как мечтали вернуться домой, рассказать всем, что мы там, в этом проклятом плену, пережили. Но не сдались! Не предали! Выжили! – он снова посмотрел на неё. – Как мечтали, как ждали этой минуты!

Я в лагере с одним майором сдружился. Он старше меня был, опытнее. Много чего порассказал мне тогда, глаза на многое открыл.

Так вот, когда освободили нас, он и говорит мне, что нельзя нам домой возвращаться. Мол, не поверят наши, что мы в фашистском плену выжить смогли благодаря молодости и стойкости. А не предательству мерзкому.

Меня тогда прямо в жар бросило! Я, который каждую минуту о своей родине думал, я – предатель?

Дал ему как следует! Откуда силы взялись?

А он кровь сплюнул, смотрит мне прямо в глаза и твердит своё: «Если жить хочешь, оставайся тут!»

Беда в том, что прав оказался тот майор.

Ни за что бы нам не поверили и не простили того, что мы живы остались. В то время только мёртвые могли стать героями. Вот так-то, Поля.

– Я верю Вам, Альберт Миронович, – Полина гладила его дрожащие пальцы. – Столько лет прошло, отпустите эту боль. Ни к чему она Вам. Вы живы остались, у Вас дети, внуки, наверное, уже большие. Вот, завтра родные места увидите.

– Добрая ты, Поля, – Альберт снова улыбнулся, но слёз уже не было. – Рад бы отпустить, да вот, – он показал глазами на ноги, – от этого куда деться? И от того, что вот здесь занозой сидит, не отпускает, – он второй рукой дотронулся до своей груди. – Куда?

– Понимаю, всё понимаю, – Полина аккуратно положила его руку на кровать и встала, – но сейчас у нас с Вами на ближайшие дни есть одно очень важное дело. И мы должны его довести до конца! Вы согласны со мной?

Альберт устало улыбнулся и кивнул головой.

* * *

Вероника сошла на пристань вместе со всеми.

Она видела, как Тамара с Олегом и Денис со Снежаной побежали к стоящим на площади такси. Остальные отдыхающие потянулись к большим экскурсионным автобусам.

Стоянка в Ярославле была долгой. Почти шесть часов. На обзорную экскурсию ехать не хотелось. Вероника была в этом городе уже несколько раз. Правда, тогда это были гастроли. Она любила такие поездки. Иногда она выступала сама, читая стихи, но чаще ездила, как автор. Ей так даже больше нравилось. Сил затрачивалось меньше, а аплодисменты и цветы она получала с лихвой. И за дорогу не платила, и авторские получала, в общем – сплошное удовольствие!

Затем она увидела Аню, направившуюся к автобусу.

«А девица-то с характером! – подумала Вероника, глядя на неё. – Видно не захотела с родителями ехать. Да и они тоже хороши! Шагу не дают ей ступить. Да, собственно, какое мне дело? Но вчера на дискотеке она их явно не ждала!»

Вероника ухмыльнулась, вспомнив лицо Тамары, стремительно подлетевшую к Ане, сидящей за столиком с парнем неопределённого возраста, всё тело которого было разукрашено разноцветными татуировками. Молодые люди пили коктейль и мило беседовали, при этом парень гладил её спину своей разрисованной рукой.

Хорошо, что в баре был полумрак, а музыка так громко играла, что никто из посетителей не обратил внимания на то, каким образом Тамара выразила своё недовольство и приказала Ане идти в каюту.

Вероника с Родионом сидели напротив. Она всё видела и, честно сказать, не понимала реакции Тамары. Как и не понимала того, что делать на теплоходе пятнадцатилетней девушке?

Чем развлечься? Сидеть и целыми днями смотреть на одну и ту же картину: река, берег, небо. Одно и то же. Одно и то же. Каждый день. С ума сойти можно!

И опять Вероника задала себе вопрос: зачем ей эта поездка? И опять она не нашла, что себе на это ответить.

* * *

Автобусы один за другим, наполнившись туристами, медленно разворачивались и направлялись вверх от пристани в центр города. Наконец площадь опустела.

Вероника медленно пошла к лестнице, ведущей на набережную.

– Девушка, город посмотреть не желаете? – такси резко затормозило прямо около неё.

– Желаю! – неожиданно для самой себя ответила Вероника и решительно открыла переднюю дверцу.

– Тысяча! За час! – почему-то весело и громко сказал водитель.

– Отлично! – в тон ему ответила Вероника, и машина тронулась с места так же резко, как и остановилась.

– Как Вас величать?

– Вероника.

– Отлично! А я – Ярослав. Не мудрый, конечно, – он засмеялся и безо всякого перехода приступил к рассказу.

– Город Ярославль был основан в 1010-м году киевским князем Ярославом Владимировичем, в народе – Ярослав Мудрый, как город-крепость на правом берегу реки Волги при впадении в неё речки Которосль. Нам скоро тысяча лет! Вот, мы выезжаем на площадь.

Он приостановил машину.

– Это – театр, кстати первый русский театр, основанный Фёдором Волковым, а это – памятник ему. У нас многие знаменитые люди жили: Леонид Собинов, Константин Ушинский, Николай Некрасов, даже Валентина Терешкова – тоже наша землячка! Ну, поехали дальше!

Уже целый час они катались по улочкам этого древнего города, каждый метр которых был наполнен историей, историей самого города, историей людей, живших здесь, любивших, строивших и разрушающих, историей самой жизни во всех её безграничных проявлениях.

– ...церковь Спаса на Городу построена в 1672-м году на пологом спуске к низкому берегу реки Которосли, у самой границы Рубленого города, – водитель не хуже профессионального экскурсовода чётко повторял заученные фразы, но Вероника его уже почти не слушала. Информации оказалось слишком много для внимательного восприятия.

– Ярослав, давайте сделаем небольшой перерыв, – предложила Вероника. – Хочется воздуха свежего глотнуть.

– Отлично! – несколько не смутившись, ответил тот и посмотрел на электронные часы, встроенные на приборной панели.

– Не волнуйтесь, Ярослав, – перехватила его взгляд Вероника, – время простоя считается по общему тарифу.

– Ну, тогда предлагаю совместить приятное с полезным, – и он включил указатель поворота.

Через пятнадцать минут они подъехали к набережной.

– Вот, пожалуйста! Знаменитая беседка на Волжской набережной. Построена в 1841-м году купцом Мякушкиным. Символ нашего города. Ещё её называют храмом уединения или храмом любви. Можете подняться. Там чудесный вид. Вам понравится!

Вероника вышла из машины, разминая затёкшие ноги, и глубоко вдохнула.

С высоты действительно открывался прекрасный вид на реку и на её окрестности.

«Издали долго течёт река Волга...» – Вероника прислонилась к белой колонне. Почему-то вспомнилось детство. Их деревенский дом-пятистенник.

Родители вечно заняты по хозяйству. Отец был пастухом. Летом его почти и не видели дома. Мать – на ферме, дояркой. Тоже вставала ни свет ни заря. Да и всё домашнее хозяйство на ней было. Забот хватало.

Уже годам к двенадцати Вероника поняла, что из деревни надо бежать. Куда угодно, лишь бы подальше от этого устойчивого запаха навоза, мычанья коров и кудахтанья пёстрых несушек, бесконечно бегающих по двору.

Да какая она тогда была Вероника? Верка! Верка Бражкина, обычная босоногая девчонка послевоенного голодного поколения.

И был у неё в то время свой «храм уединения», на берегу их небольшой речушки, где ветви ив, поникшие до самой воды, густо-густо переплетались между собой.

Если присесть за этой живой изгородью и посмотреть в маленький проём между веток, то река покажется широкой, глубокой и бесконечно длинной. И можно пофантазировать, что течёт она в дальние страны, где всегда светит солнце и много-много разной еды. Где не надо копать картошку, полоть огород, таскать воду из колодца на другом краю деревни. Не надо присматривать за младшими сестрёнками и получать шлепки от вечно уставшей и недовольной матери.

«Эх, было дело...» – Вероника достала из сумочки пачку сигарет, зажигалку и закурила.

Тонкая струйка дыма поплыла и бесследно растворилась в прозрачной вышине, унося с собой все воспоминания о детстве, о родителях, о том, что было с ней, до того времени, когда она стала Вероникой Бражинской, женщиной, твёрдо знающей, чего она хочет от этой жизни и привыкшей к тому, чтобы её желания исполнялись.

* * *

Аня прошла через весь автобус на заднее сиденье. Она уже была с родителями в Ярославле, и экскурсия её мало интересовала. Но вариантов у неё было не так много, а всего три: ехать с родителями на этот чёртов камень, спать целый день в каюте или прокатиться в автобусе. Она решила, что третьё «зло» будет наименьшим. Ей сейчас хотя бы полдня необходимо было побыть одной.

Автобус плавно тронулся с места.

– Добрый день, уважаемые туристы, – обратилась к пассажирам женщина-экскурсовод. – Мы рады приветствовать вас в нашем родном городе, городе, овеянном древней историей, ратной славой, городе с богатым культурным наследием...

Рядом с тем местом, где находилась Аня, не было окна, и её сначала забавляло то, как люди, сидящие впереди, следуя словам экскурсовода, словно по команде поворачивают головы то в одну, то в другую сторону.

Потом мысли вернулись в прежнее русло.

Сколько же это может продолжаться? Что за концерт устроили вчера родители в баре? Что их опять не устраивает?

Ну, познакомилась она с Виталиком. Нормальный парень. Такой же отдыхающий, как и они. Чуть постарше, но что тут такого? Весёлый! Анекдоты рассказывал, коктейлем угостил. Танцует здорово! Просто классно танцует!

Она вчера словно опять в своей компании со своими друзьями очутилась. Прямо супер, какой этот Виталик!

Нет, мать пришла, наорала. При всех! Тогда бы уже лучше вообще на цепь в каюте посадили.

Аня нервно передёрнула плечами. Мысли словно накачивали её изнутри гневом и раздражением. Ей хотелось закричать громко-громко на весь белый свет: «Люди! Отстаньте все! Не трогайте меня!»

В следующее мгновение Аня почувствовала, что задыхается. Ей действительно стало нечем дышать. Она, как рыба, открывала рот, но горло словно перетянуло невидимым жгутом, не давая прохода воздуху.

Все, кто был в автобусе, сидели к ней спиной и не могли видеть того, что с ней происходит. А она не могла выдать из себя ни звука.

Неожиданно автобус остановился.

– Пожалуйста, выходим. Мы сейчас пешком пройдем до Кремля. После экскурсии у вас останется немного свободного времени, но через час пятнадцать минут прошу Вас вернуться к автобусу. Он будет нас ждать с другой стороны, вон на той улице, – экскурсовод указала направление, куда все дружно посмотрели.

Хорошо, что водитель открыл обе двери.

Аня буквально выбежала из автобуса и несколько раз глубоко вдохнула. Стало намного легче.

* * *

Полина сидела на палубе, подставив лицо ласковым лучам майского солнца.

На теплоходе воцарилась тишина, нарушаемая только равномерным шумом моторов и всплесками волн. Все отдыхали после долгой и полной впечатлений экскурсии.

Река в этом месте была не слишком широкой. Тонкую песчаную прибрежную полосу окаймляли деревья, покрытые нежной зелёной листвой.

Деревья медленно проплывали мимо неё, и ей вдруг захотелось остановить свой взгляд на каждом из них. Хотелось рассмотреть даже самый маленький листочек.

Полина пошевелила пальцами, словно ощущая их нежную бархатистую кожу.

Она перевела взгляд чуть дальше, на раскинувшееся поле, тоже покрытое первыми зелёными всходами.

Почему-то раньше Полина никогда не задумывалась над тем, сколько оттенков у весны? Ей всегда казалось, что природа рождается в одном, зелёном цвете. Это потом, в течение лета, набирая силы и расцветая, всё становится сияющим и разноцветным. И уже осень, завершая эту симфонию жизни, в финальном аккорде рассыпается волшебным каскадом ярких красок!

Полина любила осень... Но сейчас она, как будто впервые в жизни, увидела весну.

*«... но опять я видом наслаждаюсь
Бархатных берёзовых листочков,
И опять я вновь и вновь рождаюсь
С каждой распускающейся почкой...»*

Ей вспомнилось одно из первых её стихотворений. Да, в разное время можно писать об одном и том же, даже одними и теми же словами, но смысл может быть совсем другим.

Полина перевела взгляд наверх и зажмурилась от слепящего солнца, которое оказалось прямо перед ней. Небо было ярко-синим, и небольшие белые облака плавно кружили по нему.

И вдруг она увидела радугу. Откуда ей тут было взяться? Небольшая семицветная дуга протянулась от солнца к одному из ближайших облаков.

Полина прищурилась и прикрыла глаза рукой, чтобы лучше рассмотреть это чудо.

Да, она не ошиблась. Это была настоящая радуга! Все семь цветов отчётливыми полосками блестели посреди огромного небосвода.

Полина перевела взгляд чуть правее. И снова увидела радугу, но уже с другой стороны от солнца. Эта её часть была длиннее левой и опускалась где-то далеко за лесом, словно перебегая от одного облака к другому и нанизывая их на себя.

«*Ожерельем белых облаков...*» – подумала Полина и достала из кармана небольшой блокнот и ручку.

* * *

Аня лежала, отвернувшись к стене, и слушала музыку.

– Ну, как экскурсия, Анна? – спросила её мать, когда она пришла в ресторан на обед.

Как будто ничего не случилось?! Втайне Аня надеялась, что её отказ от поездки к «Синему камню» хоть немного заставит родителей подумать, как им с ней себя вести. Но, нет! «Как экскурсия, Анна?» Их эта экскурсия волнует больше, чем собственная дочь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.